

Петр Ив. Цыбулькин. Автобиография

Родился я 10 июля 1956 года на центральной усадьбе зерносовхоза Зилаирский Баймакского района Башкирии (ныне село Яковлевка). Мои прародители по линии отца – запорожские казаки. Согласно семейному преданию, казак по прозвищу Цыбуля, ординарец Тараса Бульбы, как раз и является нашим прямым родственником.

До Великой Отечественной войны мои родственники по линии отца носили фамилию Цыбулько и проживали в селе Ивано-Кувалат Зилаирского района Башкирии. Мужчины занимались столярным делом, плотничали. Мне тоже пришлось некоторое время до призыва в Советскую Армию и после демобилизации до поступления в институт поработать столяром и стекольщиком в стройчасти совхоза Горный Агаповского района Челябинской области. Достиг в этой профессии высшего, четвёртого, разряда. Но семейное ремесло на мне, можно сказать, прервалось, хотя я по-прежнему люблю что-нибудь мастерить дома или на даче. И на шуточные замечания друзей в известных обстоятельствах и я, и мои дети на вопрос: «Твой отец стекольщиком что ли работал?», уверенно отвечаем «Да!»

Мой отец Иван Петрович, дедушка Пётр Фёдорович и дядя Николай Петрович воевали на фронтах Великой Отечественной. Вернулись живыми, но не целыми и невредимыми. Во время выписки из госпиталя после одного из ранений в красноармейской книжке Ивана Петровича сделали ошибку в его фамилии, записав её как Цыбулькин. Дяде Коля узнал об этом из письма отца, ему новая фамилия понравилась и он, будучи уже в звании капитана,

сам переправил нужные документы. С того времени мы и носим фамилию Цыбулькины.

Копаясь в корнях фамильного дерева, в разговоре с бабушкой – матерью отца Акулиной Фадеевной - я узнал ещё одну примечательную вещь. Её дедушка Егор Тюлюпов слыл в деревне силачом – гнул подковы, пятаки, поднимал лошадь, выпивал «зараз» около трёх литров молока, съедал большой каравай хлеба. Будучи призванным в рекруты был выкуплен владельцем цирка, разъезжавшим по России, и до окончания срока службы, согласно контракту, под псевдонимом Пётр Андреев выступал в цирке в номере «французская борьба». Его имя упоминается в соответствующих энциклопедиях наравне с Иваном Поддубным.

Отец умер на 65 году жизни, в июле 1991 года, от рака лёгкого – правое лёгкое у него было прострелено на фронте, и он с того времени практически жил на одном левом.

Моя мама была учителем русского языка и литературы, а также немецкого языка. Её корни мне удалось проследить только до второго колена. Мой дедушка по матери – Жариков Максим Степанович - происходил из рабочей среды. Прибыл в Башкирию из южных районов России поднимать сельское хозяйство. Был творчески одарён. Играл на духовых музыкальных инструментах и в «империалистическую» служил в духовом оркестре. Комиссован по причине заболевания тифом, но выжил. Очень многое сделал для меня, и, как рассказывали родители, когда я в раннем детстве сильно и тяжело болел, он меня выходил. Мама говорила, что я на него очень похож. И не случайно в качестве своего литературного псевдонима я использую его имя и фамилию. Моя бабушка по матери носила очень редкое русское имя – Секлетинья.

Мама умерла в октябре 2005-го на 78 году жизни. Мои книги вышли в свет уже без неё.

Моя старшая сестра Татьяна проживает в посёлке Светлогорск Агаповского района Челябинской области, домохозяйка, воспитывает внуков - у неё трое детей. Младшая сестра Ольга работает мастером-строителем в г.Магнитогорске, у неё две уже взрослые дочери. О внучатых племянниках говорить не будем – пусть они о нас говорят, в будущем.

До 12 лет я проживал на центральной усадьбе совхоза Зилаирский, до 5 класса включительно обучался в Зилаирской средней школе. Среди моих друзей много башкир. До сих пор мы поддерживаем почти родственные отношения с семьёй Ишбаевых, которые проживают в Уфе, в Челябинске.

Моими детскими увлечениями были футбол – вся страна им болела, особенно после того, как сборная СССР выиграла бронзовые медали на чемпионате мира в Англии – и космос. Мы знали фамилии всех космонавтов, мечтали летать. Нашими любимыми журналами были «Физкультура и спорт» и «Крылья родины». Однажды мы даже попытались запустить в космос ракету. Набили железную бочку всем, что сильно горит, в основном пластмассой и резиной, и подожгли. Горело здорово, но помешали взрослые – мой дед Максим Степанович. К счастью, последствий не было никаких, даже синяков.

Я долгое время мечтал стать лётчиком. В последующем два моих друга – Володя Колобанов, Рома Ишбаев, а также старший брат Ромки Рифат в авиацию попали, а вот я нет. И как раз из-за того, что очень хотелось. Готовя себя к лётной карьере, я занимался горными лыжами и получил травму глаз. Для службы в других родах войск она значения не имеет, а вот для авиации это приговор. И несмотря на то, что сейчас, по определённой причине, почти вся страна встаёт на горные лыжи, я не боюсь сказать, что этот вид спорта мне не нравится.

Свой первый литературный опыт я получил, учась в 4 классе. Вместе с моей мамой и Ромкой Ишбаевым мы задумали к Новому году эстрадный номер. Сделали пародию с затрагиванием школьных проблем на популярную тогда песню «О медведях» из фильма «Кавказская пленница». Мы с Ромкой нарядились клоунами, выступили на своём утреннике и неожиданно стали популярными. Нас «протащили» по всем, какие были в школе, новогодним утренникам и вечерам, и даже разбудили ночью, чтобы выступить перед взрослыми. С тех пор литературное и, в частности, пародийное творчество, для меня стало притягательным.

В 1968 году моя семья, в поисках лучшей жизни, переехала в г.Магнитогорск, где купила частный дом. До 7 класса я учился в 37 восьмилетней школе г.Магнитогорска. Показал хорошие знания и способности по всем предметам, кроме черчения. Когда выводили оценки за 7 класс, у меня больше тройки по этому предмету не получалось, и я таким образом портил школьные показатели. Руководство школы уговорило жену учителя черчения, которая преподавала у нас немецкий (а у неё я был лучшим учеником) как-то повлиять на мужа. В кульминации, зачитывая список годовых оценок по своему предмету и дойдя до фамилии Цыбулькин, учитель черчения остановился, подошёл ко мне и сказал:

- Цыбулькин, встань! - Я встал, он продолжил, – Если кто-нибудь, когда-нибудь тебя в жизни спросит, за что тебе поставили четвёрку по черчению, скажи: «За то, что хорошо хрюкал по-немецки!» Усёк?

И я на всю жизнь «усёк» то, что должно существовать разделение труда. И если ты не можешь что-то хорошо делать из-за отсутствия способностей, лучше не делай, не ешь чужой хлеб. Пусть это делает другой, у которого есть соответствующие способности, а ты совершенствуйся в том, к чему у тебя есть талант. И чертежи для моего дипломного проекта в институте выполняла моя жена. Кроме того, я плохо знаю автомобили и не могу их ремонтировать.

К сожалению, я не помню фамилию, имена и отчества ни той учительницы немецкого, ни её мужа. А 37-ю школу закрыли. В её здании сейчас расположено какое-то коммерческое предприятие.

Будучи потомственными сельскими жителями, мои родители не смогли приспособиться к городской жизни и, спустя полтора года после переезда из совхоза Зилаирский в Магнитогорск, отец поехал строить поселок Светлогорск в Агаповском районе Челябинской области.

В этом посёлке в 1973 году я и окончил среднюю школу. Как и многие мои сверстники, творчески совершенствовался в КВН и делал на этом поприще успехи. Оставался верным своей мечте, готовился к лётной карьере. Увлёкся хоккеем с шайбой, стоял на воротах и заработал кличку «Петра-вратарь».

Когда военно-медицинская комиссия посчитала меня негодным для лётной профессии, я сильно переживал, поскольку никем, кроме лётчика, себя не представлял. По поводу каких-либо других профессий никаких мыслей не возникало. Поэтому я поехал в Уфу, поступать в авиационный институт, первый курс которого к тому времени окончил мой друг Ромка Ишбаев.

Оказавшись в общежитии института, я сразу вспомнил наставления чертёжника из 37-й школы – во всех рабочих комнатах и даже в коридорах стояли кульманы. Учиться тут же расхотелось. Сдав, по инерции, два экзамена, я забрал документы и вернулся к родителям, в Светлогорск.

Отец, сказав банальную фразу «не хочешь учиться – иди работай», взял меня к себе в столярку стройчасти совхоза «Горный» учеником столяра.

Представитель этой профессии на селе универсален. Мне тоже пришлось позаниматься многим – отделочными, стекольными работами при строительстве жилых домов, изготовлением различных деревянных приспособлений для животноводства, стендов для наглядной агитации и даже гробов, поскольку почти никто, кроме нас с отцом, в совхозе этим не занимался. Одной из моих знакомых девушек, к которой я питал достаточно сильные чувства, стало неприятно, что я на работе занимался изготовлением гробов, и она поэтому не стала со мной дружить. Сейчас, наверное, жалеет. А стеклить я научился не только благодаря отцу, но и нашему прорабу Мусину

Гарифу Мусиновичу. Как-то он поручил мне застеклить одну оконную раму, а для этого попросил кладовщика выписать целый ящик стекла, который я весь использовал.

Вернувшись в посёлок после неудачной попытки поступления в институт и устроившись на работу, я обнаружил, что многие мои друзья разъехались, поступив учиться или найдя работу в городе, а некоторые из тех, кто остался, стали предаваться вредным привычкам. У меня после работы стало появляться много свободного времени.

Как-то, гуляя по посёлку, я увидел мальчишек-старшеклассников, игравших в футбол на пустыре. Все они были где-то на год-три моложе меня. Я присоединился. После этого мы стали чаще собираться на пустыре, соорудили ворота (мне, как столяру, пришлось применить здесь свои, хотя ещё и недостаточно развитые, профессиональные навыки), сделали разметку. И я стал для мальчишек играющим тренером. Через год наша команда заняла 3 место на областном турнире «Кожаный мяч», правда без меня – руководителем в Челябинск поехал учитель физкультуры. А я в это время уже служил в армии.

В поселковом Доме культуры я занимался в кружке художественной самодеятельности, который мы гордо называли народным театром. Выступал в качестве конферансье вокально-инструментального ансамбля «Колосок». Наш коллектив пользовались значительным успехом в удалённых деревнях.

Как такового, руководителя в нашем народном театре не было. Сценарии для постановок мы выбирали сами. Обсуждали их по такому же принципу, как при подготовке команд КВН. Мне было очень интересно заниматься постановками, наверное, больше, чем другим, я был более свободен по времени, поэтому часто брал инициативу на себя.

Какого-либо идеологического контроля за нами не было, и, готовясь к районному смотру, мы поставили водевиль на молодёжную тематику и юмористическую сценку «Матриархат». В отличие от многих других участников, которые представили спектакли о революции, торжестве коммунизма и т.п. Возможно поэтому мы и заняли первые места (лучшая постановка, лучшая роль).

Я был замечен одним из членов жюри – режиссёром Магнитогорского драматического театра, поскольку своими земляками был откомендован как руководитель коллектива. Спустя несколько месяцев меня нашли представители театра и стали уговаривать поступать по направлению в Челябинский институт культуры на специальность режиссёра массовых сцен. Но я к тому времени уже прошёл военно-медицинскую комиссию,

необходимые собеседования и всюду заболел романтикой службы в пограничных войсках.

Служить мне пришлось сначала в Казахстане, в Алма-Ате, затем под Читой, в Забайкальском пограничном округе. Почему-то и там, и там командиры видели во мне будущего или артиста, или писателя. Наверное, вёл себя так. Особых подвигов во время службы я не совершил. Хотя, занял в округе в 1976 году первое личное место по многоборью радистов, выполнив норму кандидата в мастера спорта. Задержал всего одного нарушителя - заблудившегося пьяного милиционера – за что получил благодарность.

Служба моя продолжалась ровно 2 года, 2 месяца и 2 дня – с 11 ноября 1974 по 13 января 1977 года. Почему-то наш призыв долго не демобилизовывали. Возможно, это было связано со смертью китайского лидера Мао Цзе-Дуна, которая припала как раз на последние полгода моей службы.

Во время службы под Читой нашими соседями было подразделение КГБ СССР. Служившие в нём парни произвели на меня большое впечатление – культурные, высокообразованные, спортивные – элита. Мне сразу же захотелось быть похожими на них. Сейчас, зная эту структуру изнутри, и, более того, изучая её историю, я ненамного изменил свои первоначальные представления о ней. И не боюсь сказать об этом именно в то время, когда стало модным и популярным писать, ставить и снимать о периоде репрессий. Причём часто только в положительных тонах о тех, кто находился за колючей проволокой, и в отрицательных – кто стоял по другую её сторону. Но ведь они нередко менялись местами!

По окончании службы, тем, кто заслужил, соседи предлагали остаться в армии на должностях прапорщиков. Мне тоже. Я вроде бы поначалу согласился. Однако знакомый прапорщик Слава из того же подразделения КГБ отсоветовал – мол, я ещё смогу после демобилизации поступить в институт и у меня замаячит перспектива службы в качестве офицера. Он оказался прав, я ему за это благодарен и не жалею о выбранном пути. Хотя в различных кругах за стенами «конторы», в том числе писательских, то и дело слышу неприятные замечания, будто я присутствую в этих кругах чисто по работе. Кого-то это отпугивает, и я таких жалею. Мне кажется, общение со мной, как с представителем конторы, их бы обогатило. Конечно, не в плане знания секретной информации, а в плане понимания глубины жизни. И я благодарен ещё одному своему учителю – Юрию Анатольевичу Страшникову – за его слова: «Плюнь на всё это и будь самим собой, пусть к тебе подстраиваются».

Приняв решение после демобилизации продолжить учёбу, я начал брать в библиотеке части и перечитывать школьные учебники. Сделал для себя открытие, которое, возможно, будет полезно и другим. Оказывается, по

прошествии нескольких лет после окончания школы, по мере взросления или возмужания школьная программа становится более простой для понимания. Я даже одолел физику, по которой в нашей школе были проблемы из-за отсутствия и постоянной смены учителей. Да так, что чуть позже мне предлагали остаться на кафедре физики института и заниматься научными исследованиями. А на вступительном устном экзамене по математике преподавательница долго меня мучила – не верила, что после службы в армии человек, к тому же учившийся по старой программе и в сельской школе, может знать этот предмет на «отлично».

Здесь следует добрым словом вспомнить нашу учительницу по математике Симакову Тамару Ивановну, ныне покойную. Мы считали её злой, и с моим соседом по парте, Вовкой Михневичем, грубо шутили: «Вот вырасту, женюсь, заведу собаку и назову её Тамарой Ивановной». И были неправы. Ничего, кроме большой-большой благодарности, этот человек не заслуживает.

Отслужив, я некоторое время продолжил работу столяром, а к лету, почему-то не будучи совсем уверенным в своих силах, направил документы для поступления в Свердловский техникум связи. Хотя все вокруг, и родители, и мой «духовный» наставник прораб Мусин Гариф Мусинович, считали, что я должен поступать именно в институт. Естественно, я колебался.

Приехав в Свердловск и, оказавшись в приёмной комиссии техникума связи, услышал то же самое. На моём жизненном пути встретился ещё один хороший человек. Разговаривал с ним я всего несколько минут, поэтому его не запомнил. Но эти минуты решили мою судьбу. Этот член комиссии, посмотрев мои документы, сказал, что я ещё смогу попытаться счастья при поступлении на радиотехнический факультет Уральского политехнического института. А в случае неудачи, в качестве запасного варианта, двери техникума для меня всегда будут открыты.

Я забрал документы в техникуме, перевёз их в политехнический институт и подал заявление о поступлении на радиофак. На вступительных экзаменах получил одну тройку, и, как это ни странно, по сочинению. Скорее всего, оно получилось очень длинным и страдало излишествами, какой и должна быть проза, поэтому содержало грамматические ошибки. Из-за этой тройки стипендию в первом семестре я не получал. Это были самые трудные полгода в моей институтской жизни – сказывались перерыв в учёбе и новая школьная программа. Своей задачей на эти первые полгода я определил – не вылететь из института, и удержался, и даже заработал стипендию.

Моя студенческая жизнь, как и у всех, была очень насыщенной и интересной. 5 лет пролетели быстро. Как и многие студенты, занимался КВН, который в те, 70-е, годы был под запретом, а у нас в Свердловске проходил под

названием «Конкурс по специальности». Дважды я был капитаном команды – на 1-м и 5-м курсах. Первый раз «подставили» старшекурсники, зная, что за шутки придётся отвечать. И их прогнозы сбылись – после КВН состоялось заседание партбюро, на которое были приглашены участники нашей команды из числа кандидатов в члены КПСС. Меня, беспартийного и «несмышлёного первокурсника» (старшекурсники оказались очень дальновидными), данная участь миновала. После этого заседания так называемый «Конкурс по специальности» проводить запретили.

Всё забылось к тому времени, когда я был уже на 5 курсе. И когда «Конкурс...» возобновился, меня, вновь выбрали капитаном – уже как имевшего опыт. Надо сказать, что после этих игр заседание партбюро не последовало, а наше выступление, по выражению Соловьяновой Ираиды Павловны, курировавшей нашу команду со стороны преподавательского состава, «было наиболее ярким за все годы». Это она сказала в мае 2007 года, на праздновании 55-летия моего родного факультета.

А некоторые мои соратники по выступлениям в КВН на первом курсе, в частности Сергей Сомов и Юрий Исаков, являются авторами популярного журнала «Красная Бурда». Думается, где-то рядом с тем КВН лежат и корни телепередачи «Комеди Клуб». Но мой скромный юмор в этом журнале и в этой передаче не востребован или, по-умному, не подходит по формату.

Сейчас мне регулярно приходится «сидеть» в жюри игр магаданского КВН.

Очень хорошие воспоминания, относящиеся к институтскому периоду, у меня остались о моём участии в студенческом строительном отряде «Вега». В составе агитбригады отряда зимой мы выезжали на концерты в сельские клубы. В 1979 году работали в Норильске на строительстве комбината «Надежда» (сейчас он, наверное, входит в структуру Норникеля). Там я узнал, что популярная песня А.Пахмутовой и С.Добронравова, по распространённой в Норильске легенде, была написана в аэропорту «Надежда», на месте которого строился комбинат, в период задержки самолёта.

По окончании работы в Норильске мы в отряде тоже объявили конкурс на лучшую песню о «Надежде». Первое место занял Сергей Сомов с песней «Облака». Я просидел всю ночь, тоже что-то написал и, когда, удовлетворённый, пошёл спать, услышал свою (вернее, очень похожую на свою) песню по «Маяку», которой, конечно, далеко до пахмутовской. Чуть позже этот опыт укрепил во мне мнение, что мой жанр, скорее всего, пародия.

Что касается непосредственно учёбы, то она проходила у меня без каких-либо эксцессов и трагедий. В 1982 году я успешно защитил диплом. Была

возможность защищать его на немецком языке и ещё раз вспомнить чертёжника из 37-й магнитогорской школы, но я пролентяйничал, или, как сейчас говорят, «простегал» и «протупил».

И вот, уже, отслужив в органах безопасности, вышел на пенсию, в запас. Но это, наверное, будет самой короткой главой в моей автобиографии. Однако о данном периоде моей биографии я попытался рассказать в художественно-публицистическом альманахе «Место действия – Колыма», редактором и составителем которого являюсь, вышедшим в свет в 2009 году, а также в сборниках своих рассказов «Последняя фраза» и «Записки Цицерона», над которыми пока продолжаю работать. В данных книгах я стремлюсь показать близкий к объективному образ сотрудника органов безопасности. Не совсем плохой, как это представляется в произведениях о периоде репрессий и «застоя», и не совсем хороший, как в публикациях ПИАРподразделений спецслужб.

Кризис моего заболевания Севером пришёлся на 1993 год. К этому времени материальная привлекательность работы «на северах» несколько снизилась, очередей на перевод не стало и мне легко удалось поменять место службы.

Благодаря нынешнему составу и руководству Магаданской областной писательской организации Союза писателей России в конце 90-х годов прошедшего века в магаданской литературе стали возрождаться былые традиции. Я их поддержал и поддерживаю своим активным участием в деятельности литературной студии «Завтрашний день» и издании журнала «Светотени». Не будь этого, не состоялась бы мои книжки «литературные пародии» (2005 г.) и «Случай из жизни господ» (2007 г.), книга «Место действия – Колыма», где я являюсь главным редактором.

В 2011 году я принят в члены Союза писателей России.

Коротко о моей семье. Жена (в девичестве Полуяхтова) Татьяна Ивановна, тоже из казацкого рода. Её предок в отряде Ермака покорял Сибирь. Позже Полуяхтовы на Урале были зажиточными крестьянами и держали лошадей. По профессии инженер связи, долго работала по специальности, сейчас домохозяйка. Когда у меня рождается очередное произведение, она принимает роды.

Дочь Марина, 1987 года рождения, средний ребёнок в семье, человек творческого склада. Публиковалась в журнале «Светотени». Окончила Уральский государственный университет (г.Екатеринбург) по специальности «филологическое обеспечение издательской деятельности». Продолжает учиться.

Сын Иван, родившийся в 1989 году, младший в семье, тоже человек творческий. Болеет кинематографом. Вместе с другом обосновал в г.Магадане «Молодёжную киностудию Северный ветер» (МКС). Снял несколько короткометражных фильмов. Является дипломантом ряда конкурсов областного и городского уровней. Окончил Северо-восточный государственный университет (г.Магадан) по специальности «историк», преподаёт в школе.

Старший сын Константин, 1983 года рождения. Окончил медицинский колледж. Фельдшер скорой помощи. Проходил срочную службу в Российской Армии в Приморском крае. До армии писал пошлые тексты для местных рок-групп. Очень много читает. По уровню интеллекта и ширине кругозора намного превосходит младших и, на мой взгляд, способен на большее.

Все дети родились в Качканаре. Это и ответ на вопрос о качканарском периоде моего творчества.